
Йован Дучич
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Перевод с сербского О.А. Комкова

ИЗ ЦИКЛА «ДУША И НОЧЬ»

ДУША

Отчего ты плачешь день и ночь, родная?
Канувшее счастье — и поныне счастье!
И когда бушует на душе ненастье,
Это часть бывшего бредит в ней, стена.

Пусть слеза больное не туманит око:
Счастье вечно с нами, не умрёт, не минет.
И когда услышишь зов, что в далах стынет,
Это счастья эхо бдит в тебе глубоко —

Одинокой ночью, в жалостливом шуме
Рек, познавших звёзды, рощ, покрытых тенью...
Той неслышной песне, преданной забвенью,
Лишь душа внимает, словно тайной думе.

КОНЕЦ

Пусть в твоём ранимом сердце, что ревнует,
Я печалью стану, вечной, словно море:
И невольно вспомнишь в час, как всё минует,
С мукою о счастье, с радостью о горе.

Пусть любовь, что тепло, вспыхнет пред закатом
И в тебе угаснет, как в холодной сени
Умирают розы: мглистым ароматом
Их больные души выются, будто тени.

И, когда в былое приоткроешь дверцу
И родного эха внемлешь затуханье,
Пусть напомнит имя стынущему сердцу
Шёпот поцелуя и стихов дыханье.

УТРЕННИЕ ПЕСНИ

ВЕСТЬ

Опавший цвет гласит о гроздах,
Река — о бурном море;
О солнце весть — в холодных звёздах,
А в сумерках — о зоре.

В улыбке — сладость райской грёзы,
В крыле — рассказ о свете;
О вечном счастье молвят слёзы,
И листопад — о лете.

И тишина хранит во мраке
Шум тайной круговерти...
А падших звёзд вещают знаки,
Что есть краса и в смерти.

СТРЕМАНИЕ

Кричит росток: из мрака встану,
Тугой, высокоглавый!
Из недр земли взнесу осанну
И солнце встречу славой.

Кричит крыло: явлюсь, рожденно
Кровавой страшной тьмою!
Меж звёзд блуждая ночью-денно,
Я первым к солнцу взмою.

Кричит слеза: благословеньем
Прольюсь из мук неволи!
Паду я первым откровеньем
Людской сердечной боли.

ШУМ

В холмах осины зашумели,
Бузинник вторит зову,
Дубам дубы и елям ели
Родное молвят слово.

Главы подымет бычье стадо:
Вот песнь о силе-мочи!
И небо жаворонку радо,
А филин славит ночи.

Трепещет ястреб: время лова!
Бдит заяц: тень слетает!
Звезда помыслит: ночь ли снова?
А мрак: ужель светает?

ВСТРЕЧА

В ночи, у горного предела
Друг друга повстречали
Душа, что к небесам летела,
И ангел, гость печали.

Он пел, спускаясь легкокрыло,
Сиянье райской тверди.
Душа ему шепча открыла
Волшбу любви и смерти.

И ангел вдаль глядел с улыбкой,
Сквозь вечность, без ответа;
И плакала душа над зыбкой
Игрою тьмы и света.

ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ ЛЮБВИ И СМЕРТИ»

ХИМЕРА

К тайне солнца жадно простираю руки
И тому, кто сгинул, сердце открываю;
А душа подобна омрачному раю,
Чьих немых гармоний я не слышу звуки.

Пустоши пространства населив собою,
Разлился повсюду ярким орионом:
В этом мире сердца и души, бездонном,
Я живу над страхом, рею над судьбою.

Я страшной и вяще истины и страсти,
Я беды не знаю и не знаю боли;
И душой, безмерной от любви и воли,
С каждым новым шагом утопаю в счастье.

И восходит утро там, где вечер тонет:
В крепкий узел свиты золотые нити;
День мой необъятный грезит о зените
С ласточкою ранней, что недужно стонет.

Ядовитой жажды источаю чары,
Жизнь клоочет, будто пляска злобной вилы¹;
И во всём трепещут кровь моя и жилы,
И во всём пылают снов моих кошмары.

Так, исполнен тёмной и незримой веры,
Издревле шагаю я тропою рока, —
И коварна, словно солнечное око,
Вечная улыбка на лице Химеры.

СЕРДЦЕ

Дар мой тёмный — сердце, сущего частица:
Со звездой мерцает, с ветром воет сиро;
И когда безгласно вдруг замрёт средь мира,
Глубь его немая громким эхом длится.

Как волна, блистая синевой сапфира,
Расплеснётся в сердце вечный ропот моря,
Что хранит издревле всей стихии горе,
Стон валов утихших, бред шального вира.

Вот погаснут звёзды; внемля сонным думам,
Пробудятся птицы из глубокой тени,
И меня наполнит гнёзд несчётных пенье,
И леса печальным отзовутся шумом...

И уснёт однажды сердце в мире этом,
В такт вселенской боли перестанет биться, —

¹ Вила — крылатое женское существо в мифологии западных и южных славян (здесь и далее — примеч. переводчика).

Но за мигом страшным жизнь его продлится:
Обернётся звуком, разольётся светом.

Возлюбило вечность и не ждёт иного:
Огненные сферы бредят в нём до срока...
И когда родится стук в груди далёкой,
Это дар мой — сердце — где-то бьётся снова...

ЖЕНЩИНА

Мне всё чаще снится лик жены великой,
Чья краса от мира просияет втайне:
Как дыханье божье в пустоши бескрайней,
Обовьёт мне душу тонкой повиликой.

Никому не ведать моего открытья:
Лишь меня одарит волшебства толикой, —
И под тихим взором той жены великой,
Вечно очарован, вьяве буду жить я.

Пред её незримой, гордой красотой
Лишь мои отверзлись омрачные очи,
И глухое сердце расцвело среди ночи,
Как дождю, послушно чудному покою.

Красота пребудет с нею нестыдливо,
Убежит бесчестья, лести и забвенья —
И пройдёт неслышно, словно дуновение,
Избранного сердца тёмные извивы.

И, красу лелея в заточеньи вечном,
Вижу: та, пред коей я стою на страже,
Соткана из той же светозарной пряжи,
Что и мой недужный сон о бесконечном.

ПЕСНЯ

Знать бы, что мне песня новая пророчит —
Новое ли счастье, старую ли рану;
Как молитва, к небу взлететь захочет
Или каплей яда обречёт дурману.

Только слышу оклик из пучины духа,
Будто весть ночную, с берега пустого;
И, коснувшись вечной благодатью до слуха,
Сквозь уста и сердце проникает слово.

В этот миг раскроет предо мной стихия
Тайну, что издревле бдит во тьме дремучей:
Муку мироздания претворю в стихи я,
Боль свою — в молитву, полную созвучий.

И в любовной жажде, и в презренной пище,
Всюду — только песня; а душа отныне,
В странном свете мрея, делается чище,
Как звезда, что тихо тает над пустыней.

И доколе ткётся мирно ткань творенья,
Связи и распада вечное искусство,
И доколе длится страстный час прозренья
И всему внимают вдохновенно чувства, —

Знаю: исчезаю в гулкой сей юдоли,
С каждым шагом дале от всего, что рядом,
Чужд людскому счастью, непричастен боли,
В небеса взирая отрешённым взглядом.

ГНЕЗДО

Вью своё гнездо я над юдолью вашей,
Ласточке на зависть и орлу на диво;
Ветер треплет ветви — а оно всё краше:
Что цветок волшебный, зреет горделиво.

В сумраке покойно светлым звёздам внемлет
И пылает солнцем, как вино в бокале;
А змея на камне будто вьяве дремлет,
Плядя мёртвым взором в облачные дали.

Всё молчанье леса в том гнезде крылатом,
Всех речных просторов песни и поверья —
И холмов цветущих страстным ароматом
У птенцов золотые распушатся перья.

Вью своё гнездо я высоко над вами:
Недоступно взгляду, как другие гнёзда,
Реет в поднебесьи, где за облаками,
Заблудившись, бродят одиноко звёзды.

И дорогой тихой от меня до Бога
То гнездо восходит; только в странном звуке,
Долетевшем долу, прячется тревога —
Это голос прежде небывалой муки.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Вся душа тобою полнится до края,
Как во мраке горы — хладностью немою;
Как морская бездна — непроглядной тьмою;
Как движенье неба — вечной тенью рая.

Льёшься, бесконечна, и сильна, и властна,
Ты мою кровью. Женщина ль, мечта ли?
Всё тобою дышит в счастье и в печали,
Ты всему созвучна и всему причастна.

Забелеют звёзды в сумерках над лугом —
И во мне родишься, словно солнце ночи,
И трепещешь в теле, точно сон пророчий,
Пламенам отдавшись или скорбным выюгам.

Над твоей пучиной красоты и рока
Весь я — только призрак в отсвете мгновенном;
О жена! о жажда! по недужным венам
Ты течёшь, не зная ни судьбы, ни срока.

Тягостная тайна, сумрачная сила,
Твоему молчанью вторят губы. Где ты —
Я во тьме не вижу, но не нужно света
Взгляду, что навеки ты собой затмила.

ВЕЛИКАЯ НОЧЬ

В час, как духи ночи пронеслись в раздолы
Над рекой, на крыльях пламени и света,
Всколыхнулись воды, сумраком одеты,
И запели гласом бесконечной боли.

В час, как ветер в чаше проторил тропинки,
Тяжкий мрак полночный с веток отряхая, —
Вырвалась, как жажда, страстная, глухая,
Песня умиранья из сухой тростинки.

В час, как за полями, где чернеет клевер,
Растеклись Плеяды медленно и стыло,
Мёртвою листвою землю тьма укрыла,
С чёрным, холодным вздохом, коим веет север.

В эту ночь, нагая, чуждая покою,
Вся душа трепещет, с бытиём в разлуке,
А главы, уставшей от трудов и муки,
Смерть коснулась нежно матерней рукою.

КРЫЛЬЯ

Полететь свободно, полететь высоко,
К незнакомым далям, как в объятья друга,
И, вися над миром, как сновидец-сокол,
Умереть в сияньи солнечного круга.

Лишь размаху внемля, стать в парящем теле
Музыкою крыльев! — чтобы там, у края,
Заплутать, навеки позабыв о цели,
И бесследно кануть, в небесах играя.

Да нальются жаждой, коей нет суровой,
Те глаза, что долго пили свет эфира, —
Пара шелкорунных агнцев подле вира,
Пара чёрных духов, что взалкали крови.

Да не вспомню боле, что рождён во мраке;
Да исполнен буду светом, словно гневом;
Да прожгут мне сердце огненные зраки
Там, где вечный полдень рдеет вечным севом.

И страшны распутия солнц окаменелых,
И сквозь бурю света горная дорога
Пролегла нетленно — там, в немых пределах,
Погибают очи, что узрели Бога.

В занебесной выси снова бездной стану,
Слившись всюю плотью с бесконечным летом;
И лечу до века — и паду, и кану
Лишь под грузом крыльев, озарённых светом.

ПЕСНЯ ТИШИНЫ

Той, кого не стало, вновь шепчу я что-то;
Стыло тлеет месяц средь пустынной тверди.
Ты доныне рядом; ведь любви ворота
Нам всегда открыты, как ворота смерти.

О слова, которым не внимает ухо,
Истины в чистейшей, девственной одежде!
О слова разлуки! для больного духа
Вы — беседа с Богом, незнакомым прежде.

В жизнь из смертиходишь ты вернее тени:
Присно оживаешь в снах моих и боли;
Умерев для веры, явившись в сомненьи —
И тебя меж смертных не увижу боле!

Из моей молитвы перешла ты в клятву,
В муку отрицанья; та же — но иначе...
В этом вечном севе зреет вечно жатва,
И любовь не канет в покаянном плаче.

Вечный облик снова узнавать я буду
В пустоте, где время с каждым днём короче...
И в холодном свете ранних звёзд повсюду
Ты незримо реешь, соткана из ночи.

ПЕСНИ СЕРДЦА

Навсегда исчезнуть в том, что сердце любит,
Умереть в бессмертном! Бросить меч без боя
Пред священной силой, что творит и губит
Вяще и суровей, чем рука героя.

Бесконечность выси нищетой измерить;
И, взыскав счастья в горькой яви бдений,
У черты последней наконец поверить:
Сонмы наших истин — тени сновидений.

Но найти тот остров солнца; светлой тайной
Реет он превыше вечного чертога!
И поведать сердцу этот мир бескрайный,
Собственное благо, вне людей и Бога.

Благо, что не знает за собой благого!
Храбрость, что не ищет почестей и платы!
Чистота, которой не прославит слово:
Сердце — словно солнце: что ни тронет — злато.

И, с одной своею светлой целью схоже,
Как весну, вбирая солнечное пламя,
Надо мглой сомненья воспарит без дрожи —
Лишь овеяв землю лёгкими крылами.

ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЕ

Ты — моё мгновенье, сень моя и слово;
Шаг, в лесной чаще канувший однажды;
Красота, что тотчас тает без покрова;
Истина, что зрима лишь в обличьи жажды.

Будь же недоступна, немотой объята:
Подлинное счастье — только то, что снится.
И оставь, как юность, коей нет возврата,
В мире след бесплотный, словно тень ресницы.

Говорит слезами сердце, умирая,
И любовь приходит для великой боли;
Истиною бредим, точно сном о рае;
Слаще поцелуя нет вовеки доли.

Соткана из грёзы в тишине угрюмой,
В солнечных одеждах из моих видений,
Стала ты моею потаённой думой —
Хладноокий символ суеты и блдений.

Нет тебя на свете, нет — и не бывало;
Но во мраке сердца долгими часами
Ты меня сияньем тихим оведала —
Ибо всё, что любим, создали мы сами.

ПЕСНИ СМЕРТИ

I

Лишь тебя из мысли мы не сотворили!
Над игрою духа дерзновенно встала
Явственное яви ты в извечной силе
Тьмы и отрицанья — бытность и начало!

Напоив собою сумерки и зори,
Надо всей вселенной властвуешь едина!
Да и Нет объемлешь и таишь, как море,
Под лучистой гладью мрачные глубины.

Как порывом ветра вихрит перья птичьи,
Так в тебе кружатся существа и светы;
Жизнь — не что иное, как твоё обличье:
В час триумфа жаждет потаённой меты.

II

До последней кромки океанской пены,
Где на волнах жизни зыблются химеры,
Ты царишь играя! И твои сирены
Неизбывным пеньем наполняют сферы.

Ты в земле питаешь крепнущие корни,
И решишь, и вяжешь средь немой природы;
Ты владеешь, словно кораблями воды,
Миром солнц, что реет, всех миров просторней.

Альфа и омега; истина и сказка;
Проклятая мать призраков и мраков:
Всех людских желаний колдовская пляска;
Тайное значенье всех на свете знаков.

III

Отрицаешь Бога, чьё святое имя
Возвещает правду; чьим теплом согрето
Милостиво сердце; в непроглядном дыме
Топишь ты согласие промысла и света.

Правда, лад и милость суть явления божьи:
Где же цель без блага? Как достигнем света,
Если не любовью? Есть ли что дороже
Дара мироздания? — Ах, всечасно где-то

Зло твоё блуждает по дорогам сирым
Суеты и страха; духу человека
Ты одна внимаешь, вознесясь над миром:
Матерь, что рождает свет и тень от века.

IV

Но перед вселенским равнодушным хладом
Длится одиноко мука человечья!
И стоит, потерян, со смущённым взглядом
Всяк в твоём немотном, тёмном междуречьи.

И людское сердце, трепетная мера
Сушего и мира, бьётся на пределе;
Канут в нём сомнения и свершится вера:
Существуешь, нет ли ты на самом деле?

И пока замкнуты мрачной цепи звенья,
Есть одно лишь место для блаженной грёзы:
Горестная пустошь, где в глухом забвении,
Как предвечный сумрак, пали наши слёзы.

ПЕСНИ ЖЕНЩИНЕ

I

Гордая богиня, посланная роком,
С тайного распутья, где не ходят люди,
Ты явилась древле перед смертным оком,
Вознеся в ладонях две нагие груди, —

И сквозь ранний сумрак огласила зори
Кровожадным смехом; предвкушая лето,
Жаркий лучик солнца спал ещё на взгорьи
В сладострастной муке первого рассвета.

На тебя воззрились очи всей вселенной;
Приняла лилея вмиг твоё обличье;

В прядях заиграло солнце рдяной пеной;
Мрамор озарило дивных черт величье.

II

И в ручьях разлился твой звенящий голос;
И прониклось море гибкой статью тела;
Дрожь твоя объяла в поле каждый колос;
Изо всех гнездовий песнь твоя взлетела.

И цветы впитали твой дурман и краски;
И твоей улыбкой блещет полдень мая:
Всё полно тобою, как в прекрасной сказке,
Чарам нет названья, нет конца и края.

Величавым шагом всходишь, как денница,
И всему на свете даришь смысл и цену;
Тайна мирозданья из тебя лучится,
Как золотые нити сквозь глухую стену.

III

Гавань, что мерцает среди морских блужданий,
Край, куда приводят все дороги наши,
Ты — Плеяд седмица в предрассветной рани,
Час последней песни и последней чаши;

Друг и враг навеки; и обман, и вера;
Неизбывный символ вечного раскола,
Всех отрад и болей; глубина и мера
Всех ущелий сердца и безумий пола.

Сердцу причащение и душе проклятье,
Правишь ты повсюду, без границ и флага:
Чистая идея в непорочном платии,
Чей закон воздвигся выше зла и блага.

IV

Древнее начало, что творит и рушит;
Божий дух во всякой дольней коловерти;
Ветер, что прибрежным ивам слёзы сушит;
Нива, что рождает жизнь в угодьях смерти;

Ты — исток чудесный славы и позора,
Вечное беспутье, где б нога ни стала;
Гибельная чара для любого взора,
И венок масличный, и эфес кинжала.

В самом первом слове скрылась первой тайной
Всей на свете боли; каждый день, как внове,
Над твоей пустыней, тёмной и бескрайной,
Всходят и садятся солнца слёз и крови.

ИЗ КНИГИ «ЛИРИКА»

ЧЕЛОВЕК ГОВОРIT БОГУ

В пучине света Ты сокрыт глубоко,
Но чуёт дух в Тебе свою потребу;
Вовек не слышен Ты земле и небу —
Лишь нам Твой голос внятн от истока.

В Тебе одно — конец и бесконечность,
Пронзаешь сердце Ты, минуя разум...
Когда б ещё душе предстали разом
Всесилье и бессилье, тлен и вечность?!

Взаправду ль путь земной к Тебе приводит?
Неужто смерть глаголет о зачатии?
Кто ревностно Твои хранит печати?
Кто страшною Твоей границей ходит?

По-прежнему ль, далёким предкам вторя,
Мы образ носим Твой в земной юдоли?
О, если нет — печальна наша доля,
А если да — Твоё безмерно горе!

Что дух мой человеческий породило?
Враждебен он Тебе иль сопричастен?
Иного не дано! Как тень, безвластен,
Он — край померкший Твоего светила.

Повсюду одинок и полон страха,
Пришелец в этом мире, в этом теле, —
И смерть и жизнь в единой горсти праха, —
Взыскует вечно запредельной цели.

ТЕНЬ

Повсюду тень моя со мною,
Огнистый призрак, джинн косматый;
То соглядатай за спиною,
То недреманный мой вожатый.

У леса вдруг бесследно сгинет,
За лесом снова ждёт, напряжась,
И перед церковью застынет —
Наш древний, первобытный ужас.

Тот знак, что светит, меркнет, студит,
Тот говор неба тёмной речью!
Доколь тревожить солнце будет
Игрою душу человечесью?

Ликует мир, исполнен света,
А человек и тень, как даве,
На перепутьи станут где-то,
Чтоб сбросить цепи тяжкой яви...

Но длится до зари вечерней
Двух судеб вечное сплетенье:
Тень, что самой земли безмерней,
И человек, что легче тени.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

С первым ветром облетают
Друг за другом листья, грозды,
За полесьем птицы тают,
За рекою гаснут звёзды.

Всё уходит; ниоткуда
Нет прощального привета,
Надо всем простёрлось чудо
Этой смерти, полной света.

Всякий взор захвачен властно
Умиранья тихим дивом;

Всякой твари мнится страстно
Об успении счастливым.

Только пред душой людскою
Жизнь и смерть полны значенья:
Два побережья восхищенья,
Рождены одной рекою.

НОЧЬ

Сумерки упали сизой тенью,
И блестит звезда с речного дна.
Тишь разлита тополиной сенью...
Ангелы плывут на лодках сна.

С догоревшим днём уходит ныне
В незнакомый путь и часть меня...
Тихо гибнут, что цветы от стыни,
Осени, судьбу свою кляня.

Но придёт последняя минута
И усталый мир возжаждет сна —
Где скитаться в поисках приюта
Ледяной звезде с речного дна?

ПЕСНЯ

Я — Божий сев, что вечно длится,
Во всём рождая слова пламень:
И первое зерно пшеницы,
И цитаделей первый камень.

И первый поцелуй влюблённых,
И нож убийцы в тёмной стыни,
И песнь молитвой окрылённых,
И сон голодных змей в пустыне.

Я — Божий сев, с небес цветущих
Рассыпан пригоршнями в травы,
Чтоб гласом сделаться средь сущих,
Златой трубой Господней славы.

И ураганом в море щедром,
И криком горестным из плена,
И молодым ливанским кедром,
И страшным роком Карфагена.

Я — Божий сев, и в зное лета
Рассеян полными горстями,
Чтоб все засовы в час рассвета
Открыть Господними ключами.

Средь пустоши крупницей праха,
Лучом звезды над горной кручей,
Лампадкой в келье у монаха,
Слезой мученика жгучей.

ПУТНИК

Я — путник, что во мглу рассветную,
Влеком неведомыми силами,
Ушёл тропу искать заветную,
Скитаться присно меж светилами.

И смерть и жизнь, и миг и дленье
Приемля в дар, ищу иного я;
Покой мне — вечное стремление,
И каждый день — одежда новая.

Палим жарой, окутан мраками,
Как Слово, что вовек помянуто,
Праобразов мерцаю знаками:
Нить, из конца в конец протянута.

Вовек и семя я, и сеять,
Един и словом, и обличем;
Одних законов хладный деятель,
Одним воздвигнутый величием.

Но в неизбывных вихрях замяти,
О Боже! дух вопит мой пламенный
О первом утре том, без памяти,
О чистом праге первой храмины.

Познав с Тобой дорогу страшную,
И звёзд, и муравьёв мучение,
Я круг свершил — с немóтой прашною
Вещей в их светлом облачении.

И в те врата стучусь отчаянно,
Из коих вышел в путь однажды я,
Росток живого неприкаянный,
В мирской пустыне влаги жажда!

Пускай стрела, что прежде времени
В безвестный край была нацелена,
Вернётся из кромешной темени
К стрелку, чьё имя знать не велено.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда мой прах покойно канет
В прогорклой глине, в перегное,
Тогда межи уже не станет,
О Творче, меж Тобой и мною.

Когда двойное рухнет иго
Добра и зла, души и тела,
Падёт последняя верига
В той жатве, что давно поспела.

Лишённый облика и слова,
Тропу найдя средь бездорожий,
Твоим подобьем стану снова,
На первый день и миг похожий.

Неся в ладони луч денницы,
В глазах — небес прозрачный смалец,
Сойдёт с высокой колесницы
Межзвёздный, вечный Твой скиталец!

Как ветка мирта, что, задета
Крылами ветра, тает бледно
В сияньи нового рассвета, —
Безвестно, тихо и бесследно.

**ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВКЛЮЧЁННЫХ
В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МОЛИТВА²

Господи, помилуй сгинувших безвинно,
Что к Тебе простёрли праведные руки:
О Твоём величьи молвит их судьбина
И Твоею славой полны скорбь и муки.

В каждой смертной ране — отпечаток Вести,
В каждом слове — эхо страшного Глагола:
Днесь к Тебе взывает мир на лобном месте
И в могилах тонут города и сёла.

Помяни, Всещедрый, души тех, кто пали
От ножа Иуды, чтоб с крестом сродниться:
Лишь одну дорогу наши предки знали —
Путь, что начертала сень Твоей десницы.

Помяни, о Блаже, свет земного праха,
Трубный гимн умерших Твоему всесилью
И средь горней нивы воткнутый без страха
Меч, навек Твоею позлащённый пылью.

² Опубликовано впервые в еженедельнике «Американски Србобран» 17 сентября 1942 года.